ТЕН ВАН ДЕЙК:
О ТРЕНДАХ В ДИСКУРСНОМ ПОДАВЛЕНИИ, ЕВРОПЕЙСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ И ГУМАНИТАРНОЙ ЯДЕРНОЙ БОМБЕ

Интервью: ЯН ТЯЖЛОВ, ЕВГЕНИЙ КОЖЕМЯКИН

Этой весной в России была издана книга, известного голландского лингвиста Тена ван Дейка «*Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*», европейское издание которой увидело свет еще в 2008 году.

Исследования Тена ван Дейка направлены не только на изучение структурных компонентов дискурса, но и на выявление его прагматической составляющей. Ван Дейк анализирует проблемные дискурсы подавления, расизма, сексизма, рассмотрение которых сопряжено не только с поиском критериев объективности исследования, но зачастую требует от ученого твердой позиции, ответственности, а порой - мужества и готовности отстаивать свои убеждения. Именно поэтому наши вопросы были адресованы Тену ван Дейку не только как известнейшему представителю критического дискурс-анализа (КДА), но и как интеллектуалу, ищущему отклик своей точке зрения.

Вы являетесь сегодня одним из самых известных лингвистов. Что может предложить современная лингвистика обществу?

Во-первых, я бы себя назвал, скорее, не лингвистом, а дискурс-аналитиком. Дело в том, что дискурс-анализ гораздо шире собственно лингвистики. Именно в силу его широкого предмета изучения, дискурсные исследования как междисциплинарная область может очень многое предложить обществу помимо результатов стандартных лингвистических исследований. Это, например, новые знания о политическом, медийном или образовательном дискурсах. Особенно критические дискурсные исследования ориентированы на социальные проблемы. Я, например, уже долгое время занимаюсь изучением вопросов злоупотребления дискурсом для воспроизводства расизма. И можно найти много примеров подобных исследований в отношении других форм дискурсного доминирования.

В определениях «дискурса» присутствует некоторая многоголосица, тоже можно сказать и о применении дискурс-анализа. Можете ли Вы доступно, в лексике «предвыборной речи», рассказать о том, что такое дискурс?

Понятие «дискурс» так же сложно, как и многие другие понятия в науках, например, «язык», «коммуникация», «сознание», «мозг», «общество» или «власть».

И многие другие. В зависимости от того, какой аспект нас интересует, дискурс можно определить как «использование языка», «форму коммуникации», «форму социального взаимодействия», «речевой акт», «текст», «разговор» и так далее. Лингвистически говоря, дискурс – это связная последовательность письменных предложений или устных высказываний, выраженных в определенной коммуникативной ситуации с целью передачи информации или выполнения других социальных действий.

Ваша первая книга «Язык. Познание. Коммуникация» появилась в русскоязычном переводе в 1989 году и оказала существенное влияние на развитие лингвистической науки в России (тогда еще СССР). В чем ценность Вашей книги «Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации», второй переведенной на русский язык и недавно вышедшей в России Вашей работы? В чём актуальность критического дискурс-анализа применительно к российской действительности?

Во всех обществах мы можем наблюдать различные формы злоупотребления властью, и Россия здесь не исключение. Злоупотребления властью воспроизводятся и легитимируются в дискурсе, и в первую очередь, в политической речи на всех государственных уровнях. Критический дискурс-анализ, который подробно представлен в книге «Дискурс и власть», как раз и был разработан с целью критического изучения такого дискурсного доминирования. В этом смысле этот научный подход является демократической оппозицией. Он является в определенном смысле техническим инструментом, с помощью которого можно выявить и показать, как структуры дискурса участвуют в манипуляции и других форм управления общественным сознанием в целом, например, с помощью формирования предвзятых ментальных моделей событий в интересах властных групп.

В соответствии с третьим законом Ньютона – действию всегда есть равное и противоположное противодействие. Исключаете ли Вы возможность использования методологии критического дискурс-анализа как инструмента все того же дискурса подавления? Может ли сам подход стать средством дискурса подавления? Возможна ли здесь своеобразная «гонка вооружений» между критическим дискурс-анализом и дискурсами доминирования?

Метафора интересная, хотя, конечно же, неверная, поскольку она предполагает, что сопротивление злоупотреблениям властью – это тоже злоупотребление, как в случае с гонкой вооружения. Конечно, злоупотребления властью могут становиться всё более и более изощрёнными и неочевидными, но ведь и исследователи и их аудитория тоже не стоят на месте, и через критическое образование они передают знание о базовых принципах злоупотребления властью, а значит, могут распознать различные формы манипуляции. Естественно, критический дискурс-анализ и его прикладные формы – это процесс постоянного обучения, поскольку приходится всё время

адаптироваться к новым формам злоупотребления властью. Это, кстати, касается также исследований прав человека и практики их защиты, так как тоже приходится постоянно совершенствовать свою методику в зависимости от новых форм нарушения прав человека.

Может ли парадигма критического дискурс-анализа стать узуальной? Возможно ли внедрение КДА на мировоззренческом уровне, как дарвинизм или психоанализ? Каковы сценарии развития КДА?

Конечно, можно надеяться на то, что критический дискурс-анализ станет более доступным широкой аудитории, ведь в какой-то момент стали доступными грамматика и риторика в школах. А если журналисты будут всё чаще обращаться к методологии критического дискурс-анализа, то это тоже будет способствовать широкому распространению методов КДА в повседневной жизни. Только я боюсь, что это всего лишь надежда, а не сценарий будущего.

Интеллектуалы критически относятся к деструктивным риторикам. Дискурсы подавления направлены на социальные группы, не обладающие иммунитетом критического анализа действительности. Знаете ли Вы, как повысить значимость критического взгляда на жизни среди широких слоев населения?

Конечно. Общее образование, начиная с младших классов, должно быть построено так, чтобы мы учили людей быть критически настроенными гражданами демократических государств, снабжать их интеллектуальными инструментами сопротивления злоупотреблениям дискурсивной властью символическими элитами, особенно в политике, СМИ и образовании. Мы учимся читать и писать, но нам стоит не только учить грамматику, но и учиться критически анализировать формы дискурса, влияющие на сознание людей.

Часто европейские (западные) СМИ представляются россиянам как оплот демократии, политкорректности, толерантности, модель для подражания, но в своих публикациях вы исследуете дискурс расизма, предубеждений именно в европейских СМИ. Насколько глубока кроличья нора?

Некоторые «западные» массмедиа, бесспорно, являются высококачественными, но это совсем не значит, что они совершенны. Как я показал в своих работах по расизму, многие СМИ участвуют в воспроизводстве расизма, и есть целый ряд исследований, из которых следует, что СМИ – это часть проблемы сексизма. Большинство СМИ, в том числе на Западе, легитимируют или поддерживают милитаризм, а также производство и использование оружия и в частной сфере, и в международных конфликтах. Последовательно «пацифистских» СМИ на Западе не существует. И это касается многих других форм неравенства и нарушения прав человека в СМИ.

Абсолютно везде массмедиа тесно связаны с властными политическими структурами, а значит, участвуют в их злоупотреблениях властью. И независимые массмедиа – поскольку они вынуждены выживать, что и делают, главным образом, за счёт рекламы, они тоже очевидным образом не могут быть слишком критичными в отношении злоупотребления властью различными корпорациями.

Какие формы дискурсного подавления сегодня в тренде в европейских СМИ? Можете ли привести примеры?

Я занимался в основном изучением роли массмедиа в воспроизводстве расизма в Западной Европе, об этом многое знаю и об этом многие мои работы. Лучшие западные СМИ внешне выражают критическое отношение к крайне правым, но редко в отчетливой антирасистской перспективе. Что касается обсуждаемых сегодня тем в прессе и политике – это, конечно же, экономический кризис. Многие СМИ довольно критично настроены по отношению к политикам и их партиям, банкам и банкирам. Это даёт подпитку многим формам сопротивления, например, движению 15-М в Испании. Но еще нужно внимательно посмотреть, выступает ли медийное освещение кризиса формой сопротивления. Помогают ли журналистские публикации понять причины кризиса, пороки современного капитализма, злоупотребление властью международными корпорациями, банками и крупными игроками на рынке? Сомневаюсь.

Можно ли выявить доминирующие дискурсы, если не применять КДА?

Конечно, если кто-то имеет личный или групповой опыт, связанный со злоупотреблением властью, то для них распознать дискурсивное доминирование не составит особого труда. Но ведь этого недостаточно, да и не обязательно иметь этот опыт. Дискурс – это совсем не простое явление, и нам всем стоит учиться распознавать стратегии манипуляции – и сопротивляться им.

Сегодня в Европе ультраправые силы обретают все большее число сторонников. С чем это связано?

Возрастающее влияние крайне правых сил вызвано многими причинами, и главная из них – это тот же экономический кризис. Мы уже наблюдали схожую ситуацию в Германии после кризиса 1929-го года. Электорат уже не доверяет ведущим партиям, склоняется к более экстремистским, популистским партиям, особенно тем, которые во всём винят Других – иммигрантов, беженцев. Типичный пример – партия независимости Великобритании. Но главное – мы не должны объяснять рост расизма, национализма и ксенофобии в Европе исключительно в терминах экономического кризиса. Расистские партии во Франции, Австрии, Дании, Голландии, Италии и других европейских

странах расцветают уже несколько последних десятилетий, до кризиса – во многом, вследствие роста иммиграционных потоков. Расизм – это одна из главных проблем Европы вот уже несколько столетий, и был основной идеологией в дискурсе европейских элит, начиная с 18 века. Речь идёт и об утверждении превосходства белых европейцев над неевропейскими народами, и о легитимации рабства, колониализма, апартеида и сегрегации в Европе, Северной и Южной Америке, Южной Африке, Австралии и Новой Зеландии. В этом смысле современный расизм в Европе – далеко не новое явление. Да, современный дискурс европейских элит не настолько откровенно расистский, как это было раньше, и расизм не рассматривается сейчас в публичном пространстве как главная проблема общества – несмотря на ужасы рабства, колониальную политику недавнего прошлого, холокост, резню в бывшей Югославии и нынешнюю популярность откровенно расистских партий в Венгрии и Греции.

Существует ли в современном обществе запрос на гуманитарные исследования? Сегодня многие интеллектуалы говорят о кризисе социально-гуманитарного знания. Подтверждаете ли вы этот диагноз?

Я не настолько пессимистичен. Конечно, многие студенты скорее предпочтут получать образование в сфере MBA, а не КДА! Но и на программах MBA мы можем и должны вводить основы критического дискурс-анализа. Ведь сейчас вообще наблюдается тенденция фокусироваться на социально ответственном бизнесе, что является следствием экономического кризиса.

Из концепции КДА следует, помимо прочего, что социальные исследования должны нести прагматическую направленность. Как Вы оцениваете работу исследователей, которые занимаются наукой ради науки?

КДА – это не метод и не теория, а движение дискурс-аналитиков, которые обращаются к изучению социальных проблем, таких как злоупотребление властью. Я ничего не имею против тех учёных, которые занимаются наукой ради науки, это вполне оправдано, ведь они очень многое делали и делают для развития научного аппарата, в том числе в области изучения языка, дискурса и коммуникации. Мне вот только кажется, что привилегированное положение многих из нас, исследователей, получающих к тому же деньги из государственного бюджета, обязывает нас применять наши наработки для развития общества и сопротивления формам (дискурсного) доминирования, как, например, в случае с расизмом или сексизмом.

Долгое время Вы работали в Амстердамском университете, но с 1999 года работаете в университете Помпеу Фабра в Барселоне. С чем было связано решение перейти в другой университет? Были ли эти изменения связаны с вашей научной деятельностью?

Главная причина – личная. Хотя, не буду скрывать, что мои критические исследования расизма сталкивались с сопротивлением в лице властных интеллектуальных элит в Нидерландах, особенно в СМИ.

Вопрос этоса в гуманитарном познании. Могут ли навредить открытия в области гуманитарных наук? Можно ли в гуманитарной области изобрести «ядерную бомбу»? Есть ли тому примеры?

Эта метафора мне тоже кажется слишком надуманной. Конечно, можно вообразить себе какой-нибудь Прекрасный Новый Мир, в котором сознание граждан идеологически обрабатывается, чтобы они могли принимать доминирующие дискурсы и стили мышления, но это ведь выдумка. В повседневной реальности мы должны быть счастливы просто потому, что студенты и преподаватели – в рамках более широких программ образования правам человека - критически изучают актуальные формы злоупотребления властью в дискурсе.

Разве советский социальный эксперимент – это не пример того, как Прекрасный Новый Мир стал реальностью? С идеологической точки зрения он был вполне успешен. Марксизм-ленинизм стал и научной парадигмой, и мировоззренческой основой большинства. Сегодня значительная часть российской общественности, критически настроенная по отношению к власти, опасается повторения сценариев ушедшего века. Может ли Россия или иное «развитое» общество возродить авторитарные или монополистические дискурсы так ,чтобы они определяли наше мировоззрение?

КДА – это именно *научная* критика злоупотреблений властью. Никаких сомнений нет, что в современной России существует множество форм злоупотреблений властью – например, в политике. КДА очень хорошо подходит для критики такого рода доминирования. А вот ***отсутствие*** критики как раз и может привести к возрождению авторитарных практик советского образца.

Май 2013